

Вопрос Цзинь Шуаня был довольно тонким. Обычно, если в профессиональной сфере есть узнаваемое звание, это говорит о некоторых достижениях. Учитывая, что он снимал работы Хань Дуна, было очевидно, что он разбирается в мире искусства.

Как поклонник своего брата, Хань Чжоу, если бы у него были какие-то значимые достижения, Цзинь Шуань, скорее всего, знал бы об этом. Поэтому его вопрос был скорее о том, не забросил ли Хань Чжоу свою основную специализацию — масляную живопись — кроме преподавания.

Хань Чжоу не сказал бы, что совсем перестал рисовать. Он продолжал поддерживать свои навыки, время от времени создавая работы. Однако его уровень оставался примерно тем же, что и после окончания университета. Для преподавания этого было достаточно, но для выставок или аукционов — не совсем.

Он не считал это чем-то постыдным. Он выполнял свою задачу как учитель, и этого было достаточно.

— Нет, — честно ответил он.

Он сделал глоток ячменной воды.

— Я слишком поверхностен, не могу сосредоточиться и не стремлюсь к большему. То, чего я достиг, — это в основном благодаря семейному влиянию.

— Хань Дун? — спросил Цзинь Шуань.

— Не только. — Хань Чжоу провёл рукой по носу, вспоминая, как мать рассказывала, что их предки были придворными художниками. Он улыбнулся:

— Мои родители раньше работали в культурном отделе. Хотя больших достижений у них не было, но основы живописи они мне привили.

Цзинь Шуань слегка улыбнулся, задумчиво спросив:

— Ты живёшь с родителями?

— Нет, — ответил Хань Чжоу. — Они в родном городе С. Я поступил в университет здесь, а мой брат переехал со мной, чтобы быть рядом.

Говоря о Хань Дуне, в глазах Хань Чжоу невольно появилась гордость.

— Ты, наверное, знаешь, мой брат — гений. Его работы уже тогда были довольно ценными, так что, пока однокурсники ютились в маленьких общежитиях, я уже жил в двухуровневой квартире рядом с университетом.

Он поправил тарелку, которую принёс официант, и спросил:

— А ты сколько лет занимаешься архитектурой?

— Довольно давно. — Цзинь Шуань смотрел на него прямо, как будто обдумывая что-то.

У Хань Чжоу возникло ощущение, что каждый раз, когда он задавал Цзинь Шуаню конкретные вопросы, тот отвечал уклончиво, как будто хранил множество секретов, которые пока не мог раскрыть. Но почему? Разве они не встречались раньше?

Он подумал об этом и спросил:

— Цзинь Шуань, мы раньше не встречались?

— Пфф! — Линьлинь, до этого молчавшая, вдруг засмеялась, поперхнувшись водой. — Продолжайте, продолжайте.

Хань Чжоу бросил на неё недовольный взгляд, пожалев, что позвал её на ужин.

Цзинь Шуань слегка улыбнулся и прямо ответил:

— Вероятно, нет.

Цзинь Шуань выглядел довольно холодным, и его немногословность могла сбить с толку. Но при более близком знакомстве становилось ясно, что он был настоящим джентльменом.

Линьлинь, не зная его, хоть и была полна любопытства, не решалась задавать вопросы. Её смех был вызван тем, что вопрос Хань Чжоу звучал как заезженная фраза из старых романтических фильмов.

Цзинь Шуань передал Линьлинь нераспечатанную влажную салфетку и спросил:

— Ты видела Хань Дуна?

— Один раз. — Линьлинь вытерла рот салфеткой, на этот раз говоря серьёзно. — Однажды он проводил выставку в нашем музее искусств. Я издалека увидела его спину и подумала, что это Хань Чжоу, подошла и хлопнула его по плечу. Но когда он обернулся, я испугалась, поняв, что ошиблась.

Цзинь Шуань удивился:

— Разве они не похожи?

— Да. — Линьлинь закатила глаза, стараясь вспомнить. — Но знаешь, близнецы иногда довольно легко различаются по манере поведения, взгляду и даже маленьким привычкам. Хань Дун был довольно скромным, и он не был таким экспрессивным, как наш Хань Чжоу...

— Эй, — Хань Чжоу постучал по столу, — хвали, но не сравнивай, соблюдай правила!

Сидящая рядом Лю Жань засмеялась.

— Ладно, ладно! — Линьлинь показала знак «ОК» и, глядя на Цзинь Шуань, сказала:

— Я видела его только один раз, и он ушёл сразу после открытия выставки. Жаль, что не удалось поговорить.

Она повернулась к Хань Чжоу:

— Может, устроишь нам ещё одну встречу? Или хотя бы лекцию? Мастер слишком загадочен.

— ... — Хань Чжоу бросил на неё взгляд, означавший «лучше ешь», и, мельком взглянув на Цзинь Шуань, почувствовал себя немного неловко, не зная, как ответить.

Линьлинь не знала о ситуации с Хань Дуном, и Хань Чжоу обычно не рассказывал о своей

семье. Он не хотел, чтобы его брата воспринимали как нечто необычное, и не желал пользоваться его славой. Он был просто обычным учителем, и все эти сплетни и льготы были для него обузой.

Он не ответил Линьлинь, и она не стала настаивать. Цзинь Шуань, хоть и, казалось, хотел встретиться с Хань Дуном, тоже не стал давить, и тема была закрыта.

За два дня до провинциального экзамена Цзинь Шуань снова позвонил. Его студия находилась на ремонте, и он обычно не находился в этом районе, но благодаря Лю Жань, которая стала связующим звеном, они стали общаться чаще.

Цзинь Шуань спросил, нужна ли помощь в организации экзамена, предлагая предоставить людей или транспорт.

Хань Чжоу уже всё подготовил, поэтому сразу ответил, что помощь не требуется.

В последние годы экзамены проводились по месту жительства студентов, и накануне экзамена в студии осталась только пятая часть учеников. В день экзамена Хань Чжоу встал рано утром и вместе с учителями проверил, всё ли готово у студентов.

Каждый год находились рассеянные ученики, которые, придя на экзамен, обнаруживали, что чего-то не хватает. Хань Чжоу подготовил запас материалов в машине у входа в экзаменационные залы, чтобы быстро восполнить недостающее.

Конец декабря на севере был особенно холодным. Полурастаявший снег смешивался с грязью на обочинах дорог, и, несмотря на яркое солнце, тепла не чувствовалось. Хань Чжоу опустил сиденье, включил обогрев и начал переписываться в групповом чате.

В чате было четверо владельцев художественных школ. Они начали примерно в одно время, и теперь, кроме Хань Чжоу, который всё ещё держал студию в центре города, остальные переехали в пригороды, набирая до тысячи учеников в год и став лидерами в области художественных экзаменов в провинции.

Хотя они были конкурентами и не всегда ладили, но, будучи частью одного круга и часто выпускниками одних учебных заведений, они странным образом держались вместе уже почти десять лет.

[Ангелы со сломанными крыльями —]

[Сунь Син: Наконец-то в экзаменационных залах. Если что-то нужно, забирайте у меня, машину вы знаете, с названием моей школы. Я уже предупредил сопровождающих.]

[Сунь Син: Эх, годы летят так быстро. Как у вас дела, всё нормально?]

[Ли Юцай: Один провалился.]

[Сунь Син: Ли, иди играй в другую сторону, когда люди разговаривают, собаки не вмешиваются.]

[Ли Юцай: Сунь, ты что, заигрался?]

[Босс: @Хань Чжоу, слышал, ты собираешься переезжать? Наконец сдался под давлением аренды в центре?]

[Хань Чжоу: Безразличие.gif (стикер)]

[Босс: Ладно, не переживай, после экзаменов встретимся?]

[Сунь Син: Встретимся. Ли, ты же открыл новый ресторан с горячими горшками? Мы придём, вдохнём формальдегид, пожелаем тебе процветания и скорейшего ухода из мира художественных экзаменов.]

[Ли Юцай: Ладно, я как раз хотел пригласить вас на открытие. Третьего числа следующего месяца приходите с жёнами, я забронировал для вас отдельный зал. Кстати, только что приобрёл ящик Лафита 2005 года.]

[Сунь Син: Круто, Ли.]

[Ли Юцай: Повторяю ещё раз — Сунь и собаки не допускаются.]

[Босс: @Сунь Син @Ли Юцай, вы, ребята, честно, не скрытые ли гомосексуалисты? Вечно ссоритесь, а потом втихаря обнимаетесь. Я до сих пор помню тот случай в туалете караоке, просто ужас.]

[Хань Чжоу: @Босс, ты, наверное, пересмотрел сериалов. Сунь и Ли просто любовники.]

<http://bllate.org/book/15564/1415490>